

Лянь Цзинъяо не стала ходить вокруг да около и сразу заявила:

— Ранее мы говорили о нападении на Крепость семьи Ма. Вы всё ещё хотите это сделать?

Эти слова мгновенно взбудрили всех присутствующих мужчин, которые тут же выпрямились и наперебой заговорили:

— Конечно хотим! Мы давно терпеть не можем этого старика Ма. Думали, он ещё год протянет. Теперь самое время напасть, разгромить их и забрать всё, что у них есть, чтобы встретить Новый год с добычей.

Очевидно, вражда между Крепостью семьи Ма и Крепостью клана Лянь давно накалялась, и предыдущие стычки принесли им немало выгоды. Все были в восторге, и взгляды их обратились к Тан Чжао, ожидая её стратегии.

Все были в приподнятом настроении, кроме второго главы, бородача, который холодно наблюдал за происходящим. Он хмыкнул и сказал:

— Разве не говорили, что нужно восстанавливать силы? Почему главарь так быстро изменил решение?

На мгновение воцарилась тишина, и все взгляды устремились на них.

Лянь Цзинъяо лишь мельком взглянула на бородача и равнодушно ответила:

— Я изменила решение, и что с того? Не нравится — давай сразимся.

Бородач замолчал, но его взгляд, полный негодования, устремился на Тан Чжао, как будто она была злым гением, разрушающим всё вокруг. Тан Чжао не понимала, почему Лянь Цзинъяо, которая ранее пыталась поговорить с ним, не смогла его убедить. Или же её действия и проживание в доме Лянь Цзинъяо вызывали такие подозрения?

На самом деле, бородачу даже не нужно было ничего говорить, ведь слухи в клане уже распространились. Особенно после того, как Тан Чжао спасла Минда, и Лянь Цзинъяо по её просьбе то отправляла людей в город за информацией, то следила за другими кланами. Всё это не осталось незамеченным.

Странности в поведении Крепости семьи Ма заметили не только Лянь Цзинъяо и Тан Чжао. Даже не зная всех деталей, многие почуяли неладное. Когда главарь вдруг заговорил о нападении, все понимали, что это могло быть связано с влиянием Тан Чжао. Однако никто не стал высказываться против, ведь разгромить Крепость семьи Ма и забрать их богатства было в их интересах.

Единственным, кто не смолчал, был бородач, но после резкого ответа Лянь Цзинъяо он успокоился. Он сердито сидел в кресле, раздражённый, а затем швырнул целый апельсин в

костёр, где тот с треском загорелся.

Лянь Цзинъяо, увидев это, больше не обращала на него внимания и спросила остальных:

— Завтра мы нападём на Крепость семьи Ма. Есть возражения?

Все с энтузиазмом ответили:

— Нет.

Лянь Цзинъяо удовлетворённо кивнула и обратилась к Тан Чжао:

— Господин Тан, расскажите всем о плане.

Тан Чжао не стала отказываться, отложила наполовину очищенный апельсин и достала карту Крепости семьи Ма, которую она сама нарисовала после сбора информации. Она подробно объяснила план, указывая на карту.

Кто-то заметил:

— Господин Тан, на этот раз план очень детализирован, даже после проникновения всё расписано.

Другой ответил:

— Тем лучше, господин Тан всегда прав.

Все согласились и стали запоминать план. Однако в конце кто-то спросил:

— Господин Тан, вы останетесь в крепости или пойдёте с нами?

Тан Чжао понимала, что слухи повлияли на их мнение, и эти главари не хотели быть пешками в чужой игре. Она сама не собиралась оставаться в стороне и, не колеблясь, ответила:

— Я пойду с вами.

Лянь Цзинъяо не удивилась, хлопнула в ладоши и встала:

— Хорошо, тогда готовьтесь.

Все согласились и разошлись, даже бородач, который был не в духе. Кто-то, уходя, оглянулся и увидел, как Тан Чжао бросила очищенный апельсин Лянь Цзинъяо, которая, не церемонясь, разделала его и съела. Видно, их отношения были неплохими.

Крепость клана Лянь не собиралась атаковать Крепость семьи Ма в открытую, иначе это было

бы слишком рискованно. Поэтому Тан Чжао назначила время нападения на раннее утро, когда все наиболее уязвимы.

Перед отъездом Тан Чжао объяснила Минда, что происходит, и предупредила её быть осторожной ночью.

Минда, услышав рассказ, схватила её за рукав и с тревогой спросила:

— Брат Атин, ты правда должен идти? Там будут мечи и стрелы, а эти люди не щадят никого. Что, если тебя ранят?

Тан Чжао погладила её по голове и успокоила:

— Я буду осторожна, не волнуйся.

Как Минда могла не волноваться? Она чувствовала себя как жена, провожающая мужа на войну, и её переполняло беспокойство. В порыве эмоций она предложила:

— Я не могу спокойно ждать. Может, я пойду с тобой?

— Нет, — Тан Чжао твёрдо отказала, несмотря на мольбы Минда.

К счастью, Минда не была настолько своевольной и, поняв, что Тан Чжао не уступит, смирилась. Она лишь крепко сжала её руку и повторила:

— Тогда ты обязательно вернись целым и невредимым, без единой царапины!

Тан Чжао улыбнулась, её глаза сверкнули:

— Хорошо, когда вернусь, ты сможешь пересчитать мои волосы, чтобы убедиться.

Минда чуть не рассмеялась, но, слегка раздражённая, легонько ударила её кулачком по плечу. Шутка Тан Чжао немного разрядила обстановку, и Минда перестала постоянно бояться, что та не вернётся. Она смотрела на Тан Чжао и чувствовала, как будто уже потеряла её однажды, и теперь хотела удержать любой ценой.

Минда сама не понимала, почему так себя вела, но осознавала, что это ненормально. Она всегда была привязана к Тан Чжао, но понимала, что всё должно быть в меру. Пришло время что-то изменить.

Тан Чжао, удивлённая тем, что Минда не стала настаивать, вздохнула с облегчением и тщательно подготовила её к ночи.

Они находились в доме Лянь Цзиньяо, куда никто не мог просто так войти, и это было

безопасно. Но сегодня Тан Чжао и Лянь Цзинъюэ будут отсутствовать, и кто знает, не найдётся ли среди оставшихся таких, как бородач?

Перед отъездом Тан Чжао подготовила комнату и вернула Минда её кинжал:

— Этот кинжал твой, держи его при себе. Я не вернусь до утра, самое раннее — к полудню. Пока я не вернусь, никому не открывай и не выходи из комнаты, понятно?

Её слова звучали как наставления родителя, и Минда, хоть и улыбалась, послушно согласилась:

— Хорошо, я поняла. Брат Атин, иди спокойно, я позабочусь о себе.

Минда взяла кинжал, проверила его и почувствовала знакомое ощущение. Её взгляд на мгновение задержался на шкафу, откуда Тан Чжао достала кинжал, но она ничего не сказала.

Тан Чжао, закончив подготовку, оставила в комнате воду и еду и покинула дом с наступлением темноты.

Лянь Цзинъюэ ждала её, и они вместе ушли, разговаривая на ходу. Их близость была очевидна. Минда стояла у окна, наблюдая за их уходящими фигурами, и с досадой щёлкала кинжалом, жалея, что не укусила Тан Чжао ещё раз.

Когда они скрылись из виду, Минду охватила пустота.

Она знала, что всё, что Тан Чжао делала, было ради неё, как и раньше в столице, когда она всегда защищала её. Но когда же она сама сможет стать рядом с братом Атин?

Холодный ночной ветер пронёсся мимо, и никто не заметил, как долго Минда стояла у окна.

<http://bllate.org/book/15453/1371005>